
Дмитрий Вектор
Свет в глазах:
Наследники света

Свет в глазах

Дмитрий Вектор

Свет в глазах: Наследники света

«Автор»
2025

Вектор Д.

Свет в глазах: Наследники света / Д. Вектор — «Автор», 2025 — (Свет в глазах)

"Свет в глазах: Наследники света" — это эпическая сага о девочке, чьё рождение изменило не только Землю, но и всю галактику.Лила МакДональд появляется на свет с необычными золотистыми глазами и способностями, которые пробуждают паранормальные дары у детей по всему миру.
Вместе с родителями — Эммой и Джеймсом — она должна понять своё предназначение и научиться управлять силой, способной как исцелять, так и разрушать.По мере взросления Лила встречается с древними Хранителями стихий, налаживает контакт с инопланетными цивилизациями и сталкивается с космическими угрозами — от Пожирателей Миров до галактической империи Железной Логики. Но её главное оружие не разрушительная мощь, а способность превращать врагов в друзей, находить понимание там, где другие видят только конфликт.

© Вектор Д., 2025
© Автор, 2025

Содержание

Глава 1. Рождение звезды. 5
Глава 2. Эхо первого крика. 8
Глава 4. Тихие голоса. 13
Глава 5. Зеркало надежды. 16
Глава 6. Тени прошлого. 18
Глава 7. Точки опоры. 21
Глава 8. Первый маяк. 23
Конец ознакомительного фрагмента. 29

Дмитрий Вектор
Свет в глазах: Наследники света

Глава 1. Рождение звезды.

Два года спустя после вступления Земли в Галактический Совет.

Женевский центр паранормальных исследований погрузился в предрассветную тишину. В медицинском блоке на седьмом этаже Эмма МакДональд лежала в специально оборудованной палате, стены которой были покрыты защитными рунами всех известных магических традиций. Беременность длилась уже девять месяцев, но ребёнок явно не спешил появляться на свет обычным способом.

– Энергетические показатели зашкаливают, – тихо сообщила доктор Анна Волкова, ведущий специалист по паранормальному акушерству. – Эмма, ты уверена, что не хочешь эпидуральную анестезию?

– Нет, – ответила Эмма, сжимая руку Джеймса. – Я должна чувствовать всё. Если что-то пойдёт не так с энергетическими потоками.

Она не договорила, но все в палате понимали. Этот ребёнок был особенным ещё до рождения. За последние месяцы беременности произошло семнадцать случаев спонтанного пробуждения паранормальных способностей у людей в радиусе ста километров от Женевы. Электронные приборы в присутствии Эммы начинали показывать невозможные значения. А вчера ночью все телепаты в городе одновременно услышали детский смех.

– Роуз, что видишь? – спросила Эмма, глядя на подругу, которая стояла у окна с закрытыми глазами.

– Свет, – прошептала Роуз О'Мэлли, её рыжие волосы развевались от невидимого ветра. – Очень яркий свет. И музыку? Как будто вся Вселенная поёт.

Джеймс коснулся металлической рамы кровати, активируя свой дар психометрии. Его серебристая аура вспыхнула.

– Я вижу прошлое этого места, – сказал он удивлённо. – Но не обычное прошлое. Там есть события, которые ещё не произошли. Как будто время здесь течёт по-другому.

В этот момент в палату вошли Кай Чен с портативным сканером аур и Элиас Моррисон, которая теперь координировала все особые случаи в паранормальном сообществе.

– Состояние стабильное? – спросила Элиас.

– Настолько, насколько может быть стабильным состояние женщины, которая вынашивает потенциального бога, – усмехнулась доктор Волкова.

– Не говорите так, – нахмурилась Эмма. – Она обычный ребёнок. Просто с необычными способностями.

Кай проверил показания сканера и побледнел.

– Эмма, энергетическая подпись плода соответствует уровню планетарного масштаба.

– Что это означает?

– Это означает, что когда она родится, всплеск энергии будет виден из космоса.

Внезапно все защитные руны на стенах засветились одновременно. Воздух в палате задрожал, и у всех присутствующих перед глазами возникли видения – звёздные туманности, неизвестные планеты, существа из света.

– Началось, – прошептала Эмма, чувствуя первую схватку.

Но это была не обычная схватка. Вместе с болью пришло ощущение, что её сознание расширяется, достигая краёв Солнечной системы. Она видела Марс, Юпитер, кольца Сатурна и патрульные корабли Галактического Совета, которые заняли позиции вокруг Земли.

– Они знают, – поняла она. – Весь Совет знает, что происходит.

– Конечно знают, – сказала Элиас. – Рождение ребёнка с такой силой – событие галактического масштаба. Последний раз подобное происходило три тысячи лет назад в системе Альфы Центавра.

– И что случилось тогда?

– Тогда родился основатель Галактического Совета.

Следующая схватка была сильнее. Эмма почувствовала, как энергия ребёнка начинает вырываться наружу, создавая рябь в пространстве-времени. За окном загорелось северное сияние, хотя был яркий день.

– Джеймс, – прошептала она, – если что-то случится со мной.

– Ничего не случится, – твёрдо ответил он. – Мы прошли через слишком многое, чтобы сдаться сейчас.

Роуз резко открыла глаза.

– Она идёт! И она не одна!

– Что ты имеешь в виду?

– С ней приходят духи? Нет, не духи. Что-то другое. Очень древнее и очень мудрое.

В палате внезапно стало холодно. Из воздуха начали материализовываться полупрозрачные фигуры – не призраки умерших, а нечто совершенно иное. Существа из чистого света, с глазами как у звёзд.

– Посланники, – прошептала Элиас с благоговением. – Это Посланники Первого Света.

Одно из существ приблизилось к Эмме. Когда оно заговорило, его голос прозвучал одновременно в воздухе и прямо в сознании всех присутствующих:

– Эмма МакДональд, мост между мирами, пришло время. Та, которую ты носишь, станет мостом между звёздами. Через неё ваша раса сделает следующий шаг в эволюции.

– Кто вы? – спросила Эмма между схватками.

– Мы – те, кто наблюдает за рождением новых форм сознания во Вселенной. Каждая цивилизация проходит этот путь. Некоторые становятся мудрее, некоторые уничтожают себя. Ваша раса стоит на пороге выбора.

– И от моей дочери зависит, какой выбор мы сделаем?

– Не зависит. Она и есть этот выбор.

Схватки стали почти непрерывными. Эмма чувствовала, как реальность вокруг неё начинает трещать по швам. Пространство палаты расширилось до размеров собора, а потом и до размеров целого мира. Она видела галактику сверху – спиральную структуру из миллиардов звёзд, соединённых нитями сознания.

– Видишь? – спросило существо света. – Это то, чем станет ваша раса. Не отдельными планетами, а единой сетью разума, охватывающей звёзды.

– А моя дочь?

– Твоя дочь будет архитектором этой сети.

И тогда Эмма почувствовала финальную волну. Ребёнок рождался не просто в мир, а в саму ткань реальности. Свет заполнил всё – не слепящий, а исцеляющий, теплый свет, который касался души каждого живого существа на планете.

В следующее мгновение в палате стало тихо. Посланники света исчезли. Защитные руны погасли. И в руках Эммы лежала крошечная девочка с золотистыми волосами и глазами цвета жидкого золота, в которых уже светился разум взрослого существа.

– Привет, мама, – сказала девочка, и её голос прозвучал одновременно как детский лепет и как музыка сфер. – Меня зовут Лила.

Доктор Волкова выронила медицинские инструменты.

– Она она говорит?

– Не только говорит, – прошептал Кай, глядя на показания сканера. – Её аура это не аура человека. Это что-то совершенно новое.

Лила повернула голову и посмотрела на каждого присутствующего своими невозможными глазами. Когда её взгляд упал на Джеймса, она улыбнулась.

– Привет, папа. Спасибо, что позаботился о маме.

Джеймс осторожно коснулся крошечной ручки дочери. Его дар психометрии активировался мгновенно, и он увидел всё. Прошлое Земли, настоящее галактики, бесконечные варианты будущего.

– Боже мой, – прошептал он. – Она видит время как единое целое.

– Конечно вижу, – сказала Лила, её голос становился всё более похожим на обычный детский. – А разве не все так видят?

Эмма прижала дочь к груди, чувствуя, как её собственная аура резонирует с аурой ребёнка, создавая совершенно новый тип энергии.

– Добро пожаловать в мир, малышка, – прошептала она. – Надеюсь, мы сможем сделать его достойным тебя.

За окном над Женевой висело радужное сияние – видимый всему миру знак того, что человечество вступило в новую эру. А где-то в глубинах космоса древние цивилизации отмечали рождение нового звёздного архитектора.

Эра Лилы началась.

Глава 2. Эхо первого крика.

Международный прес-центр Женевы был заполнен до отказа. Для журналистов, научных корреспондентов и представителей десятков инопланетных делегаций приготовили отдельные сектора, но и этого едва хватало. Людей с даром и без него объединило одно-единственное ожидание – увидеть ребёнка, о котором за четырнадцать дней успели слагать легенды.

На временной сцене, отделённой от зала мерцающим куполом энергетической защиты, стояли трое: Эмма, Джеймс и доктор Анна Волкова. Младенца никто не видел: Лила находилась в герметичном инкубаторе-колыбели, сплетённом из биокристалла и обвитом рунами – его встроили в пол за сценой, под самой точкой фокусировки световых прожекторов. Публике требовалось официальное подтверждение: «золотой ребёнок» жив, здоров и, главное, безопасен.

– Эмма, протокол не меняем, – шепнула Анна. – Демонстрируем безопасный выброс энергии, фиксируем показатели, отвечаем на три вопроса прессы и сразу эвакуируемся.

Ком в горле у Эммы играл на повышенных октавах. Она чувствовала, как Лила просыпается под сценой: тёплое шевеление, всплеск радости – и растущий интерес к тысячам мыслей, звенящих в зале. Защитный купол дрогнул, словно потолок над вулканом.

Лила, тише. Сейчас не время играть, – мысленно прошептала Эмма, соединяясь с сознанием дочери.

Ответом стало изображение цветущего луга, настолько реальное, что Эмма на секунду ощутила запах травы; Лила «рисовала» это зрелище для мамы, показывая, что «снаружи тоже красиво».

– Мы начинаем, – объявила Роуз О'Мэлли, вышедшая к пультам управления куполом. В зале утих шёпот.

Плазменные камеры направились в центр сцены. По сигналу Анны на куполе открылась тонкая «окошко» – и из прорези вырвался луч мягкого золотого света. Он поднялся к потолку, рассыпаясь звездопадом над головами зрителей. Спектрометры щёлкнули затворами, а Кай Чен за кулисами вслух озвучивал показатели:

– прирост квантовой когерентности – 280%;

– уровень биофотонной эмиссии – безопасный;

– воздействие на электронику – ноль.

Толпа ахнула; на экранах появились графики, красиво складывающиеся в силуэт новорождённой ладони. Демонстрация шла по плану.

В дальнем углу зала кто-то вскочил. Молодой мужчина с белой повязкой на рукаве – эмблема «Серого фронта». Его голос взрезал тишину:

– Энергетическая аномалия остаётся угрозой! Мы требуем изоляции!

Защитный купол в следующий миг содрогнулся: маленькая ладошка Лилы изнутри «погладила» стенку колыбели и послала волну успокаивающего импульса. По залу прокатилась теплая дрожь, словно все присутствующие на секунду погрузились в объятия безусловной любви. Десятки журналистов опустили камеры. Кто-то заплакал.

Но у мужчины с повязкой лицо исказилось яростью: его собственный дар – телекинетический «шип» – вспыхнул багровым. С его руки сорвался компакт-дрон-нарушитель: цель – пробить защиту.

– Джеймс! – крикнула Эмма. Он уже рванул вперёд.

Дрон врезался в купол, вызвав рябь. Пласт рунической защиты треснул паутиной. Секунда – и трещины поползли дальше: вектор удара был рассчитан на разрушение внутрь.

Эмма ощутила страх Лилы – острый, как режущий лёд. Ребёнок инстинктивно рванул поток энергии наружу. Ещё мгновение – и зал поглотил бы удар планетарного уровня. Эмма опустилась на колени, замкнув ладони в символ кельтского узла.

– Лила, ко мне! – прошептала она.

Луч света, который по плану должен был гаснуть, внезапно втянулся обратно. Золото смыло паутину трещин, вернув куполу целостность. Дрон будто расплавился в воздухе, осыпав пол искрами.

Нападавший рухнул в обморок: в его сознании Лила «потушила» ярость крошечной искоркой безусловной радости.

Зал взорвался овацией и одновременно паникой. Служба безопасности скрутила провокатора, толпу выводили к аварийным выходам. Но главное произошло внутри сцены: Эмма впервые увидела, ЧТО может девятнадцатидневный младенец.

Лила поднялась из колыбели, окружённая сиянием, и с ясным, совершенно детским выражением протянула руки к родителям.

– Мир большой. Пора поговорить с ним, – прозвучал в умах всех присутствующих её мыслеглас.

Доктор Волкова упала на стул:

– Она сказала “поговорить”, вы это слышали?

Роуз, бледная, закрыла горящие глаза:

– И это только начало. Я увидела развилку: либо мы научим её контролю раньше, чем страх охватит мир, либо… города обернутся излучателями силы, которую никто не сдержит.

Эмма прижала дочь к груди. На секунду её охватил знакомый холод ответственности – как тогда, перед Великим Сближением. Но теперь рядом были Джеймс, друзья, целая планета союзников и миллионы звёзд над головой.

– Мы успеем, – сказала она твёрдо. И Лила, словно подтверждая, тихонько засмеялась, а в окне над Женевой зажглось новое полярное сияние – знак, что наследники света сделали первый шаг навстречу миру, который ещё не научился переставать бояться чудес.

Глава 3. Первые контуры шторма.

Через шесть часов после инцидента в пресс-центре Женевы энергокупол над исследовательским комплексом был поднят до максимального уровня – сияющий пузырь в полкилометра радиусом видно даже с городской набережной. Для публики это выглядело как «обычные меры безопасности», но любой чувствительный к ауре ощущал: купол – это не просто щит, а гигантский фильтр, который отсекает внешние эмоциональные потоки, чтобы не нервировать ребёнка-звезду.

Эмма стояла в обзорной галерее и смотрела, как по внешней поверхности купола бежит полярное мерцание. Внизу на специальной площадке делегации Совбеза ООН, Галактического Совета и десятка земных правительств спорили, кому и когда позволят «доступ к девочке». Спорили тихо, но в инфракрасном диапазоне аур их раздражение горело багровыми всполохами.

– Минуты хватает? – спросила Роуз, выходя из лифта. Слабый запах палёного озона возле её плеч – признак недавнего дальнего видения.

– Хуже, – отозвалась Эмма. – До первого ультиматума осталось сорок минут. Представители «серых» пригрозили вывести людей на улицы, если мы «прячем угрозу».

– Схема ясна. Сначала провоцируют страх, потом требуют контроля.

– Страх уже в эфире, – Кай появился с планшетом-голографом. На нём вспыхивали точки дезинформационных постов: *«Ребёнок-оружие», «Золотая чума», «Генная мутация»*.

– Ботовые фермы?

– Часть – люди. Страх продаётся лучше, чем правда.

Эмма прикрыла глаза. Лила спала этажом ниже, в «звёздной колыбели». Во сне девочка беспрерывно посылала в пространство мягкие волны любопытства. Но за внешним спокойствием Эмма чувствовала: если на ребёнка обрушится паника миллионов, подсознательный отклик может быть непредсказуемым.

– Есть новости от Совета? – спросила она.

– Да. – Кай провёл пальцами по голограмме: в воздухе всплыл символ Галактического Совета – семилучевая спираль. – Альтаирцы предлагают немедленно эвакуировать Лилу на орбитальную станцию. Центаврианцы настаивают на полной изоляции в нулевом поле эмоций.

– А мы?

– А мы знаем, что любая изоляция усилит страх и у ребёнка, и у здешних людей, – вмешалась Роуз. – У Лилы дар эмпатического зеркала. Чужие эмоции она отражает многократно. Спрячем – получим вакуум, который взорвётся при первом внешнем резонансе.

В дверь постучали. Вошёл высокий мужчина в дипломатическом плаще цвета угля. На лацкане – герб ООН, но по ауре Эмма сразу почувствовала устройство-глушитель: вокруг него была «тихая зона», приглушающая чувствительные каналы.

– Г-жа МакДональд, я Август Малро, специальный посланник Комитета глобальной безопасности, – представился он. – Не отниму много времени.

Эмма жестом пригласила к столу, но Малро остался стоять.

– Позвольте говорить прямо. Инцидент с дроном показал: ребёнок представляет стратегическую силу планетарного уровня. Без ясного протокола она остаётся фактором непредсказуемости. Совет ООН требует перевести девочку под совместный надзор: базу в Антарктиде уже подготовили.

– Этот «совместный» надзор включает подавляющее поле? – уточнила Роуз.

– Только в пределах разумного. Ради безопасности.

– Безопасности кого? – вмешался Кай. – Вашего рейтинга страхового доверия?

Август Малро непроницательно улыбнулся:

– Безопасности восьми миллиардов человек. Вы привыкли мыслить штучно: одна девочка, узкая элита одарённых. А я – масштабом цивилизации.

Слова зазвенели в ушах Эммы, но она заметила: застрессованная аура Малро дрожит, хоть лицо и спокойное. Человек действительно боится.

– Посол, – мягко сказала она, – вы стояли внизу, когда Лила нейтрализовала агрессию шовиниста без единой жертвы. Это и есть её потенциал – не разрушать, а лечить.

– Или подчинять, – холодно возразил Малро. – Один импульс на несколько герц выше – и толпа вышагивает, куда скажут.

– Знаете, от чего толпа ведётся? От страха, – Эмма не повысила голоса, но сила в каждой фразе звучала металлом. – А страх рождают люди, которые пытаются спрятать то, чего не понимают.

Малро вздохнул:

– Тогда последний, неофициальный вариант. Передайте ребёнка нам – конфиденциально. Мы гарантируем вашей семье безопасность за пределами Земли.

Ответом Эммы стало молчание. Но за спиной у неё вспыхнули символы рунической стены: система безопасности считала угрозу. Малро почувствовал это и коротко поклонился.

– Подумайте, пока не поздно.

Он вышел, оставив в воздухе тяжёлый шлейф тревоги.

Позже, в закрытом атриуме, четверо друзей собрались без свидетелей.

– У «серых» новая стратегия: раскачать страх-контроль-изоляция, – констатировал Кай. – Угрозы будут только расти.

– Не только у них, – добавила Роуз. – Я видела проблески альтернатив: если государство попытается силой забрать Лилу, начнётся раскол с драконьими масштабами. Под угрозой – все реформы последних лет.

Джеймс молчал, глаза его потемнели от пережитого психометрического отклика: он видел все эмоциональные метки Малро и их возможные цепочки.

– Что ты думаешь? – спросила Эмма.

– Думаю, что дипломатия закончилась, – ответил он. – Нам нужен жест, который покажет: лишить Лилу свободы равно взорвать ничью бомбу. Но жест без насилия.

Эмма медленно вдохнула. Внутри неё раскручивалась мысль, настолько опасная, что сама идея выводила сердце из равновесия.

– Есть способ. Мы можем открыть публичный… ментальный эфир. Одну минуту прямой связи «Лила – человечество». Не через камеры, а через сердце.

Кай выронил планшет:

– Ты хочешь, чтобы каждый человек на Земле услышал ребёнка?

– Не «услышал», – уточнила Роуз, – а почувствовал. Без фильтров. Любопытство, радость, открытость. Если после этого кто-то потребует её изоляции, мир сам отвернётся от них.

– И если люди не справятся с таким потоком? – возразил Джеймс. – Массовый эмоциональный шок, панические атаки, кататония….

– Риск, – согласилась Эмма. – Но это наш единственный шанс перехватить повестку, пока её не захватил страх.

Прежде чем принять окончательное решение, они спустились в колыбельную. Хрустальный купол мерцал лёгким янтарём. Внутри на голографическом мобилье крутилась запись звёздного неба – Лила подучивала созвездия.

– Лила, – мысленно обратилась к дочери Эмма. – Нам нужен твой выбор.

Девочка оглянулась, глаза-спирали сверкнули. В сознании Эммы вспыхнул образ: гигантское дерево, корни которого уходят в планету, а ветви касаются других звёзд. По ветвям течёт свет, и каждая искра – это человеческое сердце. Дерево пело.

– Показать песню? – шёпот Лилы звучал сразу у всех в голове, тёплый и чистый.

– Показать, но мягко, – ответила Эмма. – Столько, сколько люди смогут вынести.

Лила кивнула, и в следующий момент колыбель загорелась мягким золотым светом. Ударной волны не было. Энергия струилась ровно – будто сама природа настраивала диммер.

Глобальная ментальная сеть запустили к рассвету. Через спутники, квантовые ретрансляторы и кристаллические маяки сигнал тихо постучал в сознание каждого человека. Сначала – словно лёгкий звон колокольчика, потом – тёплая вибрация за грудиной.

За пятьдесят девять секунд каждый, кто открылся импульсу, увидел фрагмент: детские ладошки, тянущиеся к свету; чувство любопытства, не омрачённого страхом; образ мира, в котором никто не одинок.

На сорок седьмой секунде в Нью-Йорке утихли протесты «серых»: люди опустили плакаты и заплакали без стыда. На пятидесят первой секунде датчики психоакустического фона показали минимальный уровень агрессии на планете за всю историю наблюдений. На последней секунде в женевском брифинг-зале Август Малро снял глушитель ауры и впервые за годы позволил себе улыбку – нелёгкую, но искреннюю.

Сигнал погас. Мир остался прежним и уже другим.

– Она справилась, – прошептала Роуз с облегчением.

Эмма опустилась на колени у колыбели: Лила спала, сияние её ауры едва заметно пульсировало со сном.

– А теперь, – шепнула мать, целуя золотистые волосы, – у нас есть время. Чуть-чуть времени, чтобы научить тебя выбирать свет – и никогда не отвечать на тьму тьмой.

И где-то за пределами купола новые ветви галактического дерева уже проклёвывались сквозь пространство, обещая грядущие испытания, о которых мир пока не догадывался.

Глава 4. Тихие голоса.

Прошло три недели после глобальной трансляции. Мир словно выдохнул и замер в ожидании – что будет дальше? Эмма стояла у панорамного окна детской комнаты, наблюдая, как Лила играет с голографическими бабочками. Каждое движение крошечных ручек оставляло в воздухе светящиеся следы, а бабочки танцевали вокруг неё, словно живые.

– Мама, – впервые произнесла Лила вслух, не телепатически. Голос звучал удивительно чётко для двухмесячного ребёнка. – Почему некоторые люди грустят, когда думают обо мне?

Эмма присела рядом с дочерью. За это время она привыкла к тому, что Лила развивается в десятки раз быстрее обычных детей, но подобные вопросы всё ещё застигали врасплох.

– Потому что они боятся того, чего не понимают, малышка.

– А я могу помочь им понять?

– Можешь. Но не всегда стоит. Иногда людям нужно время, чтобы самим дойти до понимания.

Лила кивнула с серьёзностью маленького философа и вернулась к игре. Но Эмма заметила, как золотистые глаза дочери на мгновение стали отсутствующими – верный признак того, что девочка «прослушивает» ментальные потоки планеты.

В дверь постучали. Джеймс ввёл невысокую женщину лет пятидесяти с проседью в тёмных волосах. Её аура была необычной – спокойной, но с глубокими фиолетовыми оттенками, которые Эмма ассоциировала с людьми, пережившими серьёзные психические травмы.

– Эмма, это доктор Сара Чен, – представил Джеймс. – Детский психолог из Сингапура. Она специализируется на особых случаях.

– Что именно вы имеете в виду под "особыми случаями"? – осторожно спросила Эмма.

Доктор Чен села на край кресла, явно нервничая.

– Детей, которые родились после глобальной трансляции вашей дочери. За три недели было зарегистрировано тысяча двести подобных случаев по всему миру.

Эмма почувствовала, как сердце пропустило удар.

– Подобных в каком смысле?

– Дети с аурами необычной яркости. С ранним проявлением способностей. И главное – все они каким-то образом связаны с Лилой.

Доктор Чен достала планшет и показала видеозаписи: младенцы в разных странах мира одновременно поворачивали головы в сторону Женевы. Малыши, которые ещё не должны были фокусировать взгляд, рисовали пальчиками в воздухе одинаковые световые узоры.

– Мы называем их "детьми эха", – продолжила доктор. – Похоже, ваша трансляция активировала скрытый потенциал в генетике человечества.

Лила отложила игрушки и внимательно посмотрела на гостью.

– Доктор грустная, – сказала она. – У неё болит голова от слишком многих вопросов.

Сара Чен изумлённо уставилась на ребёнка.

– Она она читает мои мысли?

– Не мысли, – пояснила Эмма. – Эмоции. Лила, можешь показать доктору, что ты чувствуешь от других детей?

Девочка закрыла глаза и протянула ручки в стороны. В воздухе засветились тысячи крошечных точек – каждая разного цвета, но все связанные тонкими нитями света с центром, где сидела Лила.

– Это карта всех детей эха? – прошептала доктор Чен.

– Они как маленькие звёздочки, – объяснила Лила. – Иногда им страшно, и я пою им песенки. Хотите послушать?

Не дожидаясь ответа, Лила начала напевать – не голосом, а прямо в сознание присутствующих. Мелодия была простой, как детская колыбельная, но каждая нота резонировала с чем-то глубоким в душе. Эмма почувствовала, как по всему миру тысячи младенцев успокаиваются, засыпают, улыбаются во сне.

– Боже мой, – прошептала доктор Чен. – Она их всех убаюкивает. Одновременно. Через континенты.

– А что в этом плохого? – спросила Лила, открывая глаза. – Разве не хорошо, когда никто не плачет?

Джеймс коснулся стены и активировал психометрию, считывая эмоциональные отпечатки последних недель.

– Я вижу паттерн, – сказал он медленно. – Каждый раз, когда Лила использует способности, где-то в мире рождается ребёнок с дарами. Как будто она пробуждает спящие гены.

– Но это же хорошо? – неуверенно спросила Эмма.

Доктор Чен покачала головой.

– Не все так считают. Есть группы, которые называют это "генетическим заражением". Они требуют изоляции не только Лилы, но и всех детей эха.

В этот момент в комнату ворвалась Роуз, её обычно аккуратная причёска растрепалась, а в зелёных глазах плясали отблески недавних видений.

– У нас проблемы, – выпалила она. – Большие проблемы. Я видела будущее множество вариантов, но все ведут к одному.

– К чему? – напряглась Эмма.

– К войне. Не обычной войне – к конфликту между теми, кто принимает эволюцию человечества, и теми, кто хочет её остановить. И в центре всего – Лила.

Кай вбежал следом, размахивая планшетом.

– Срочные новости из трёх столиц! Сенат США принял резолюцию о "защите генетической чистоты". Китай закрыл границы для всех носителей паранормальных способностей. А в России создают "центры адаптации" для детей эха.

Лила вдруг заплакала – не обычным детским плачем, а звуком, который заставил задрожать стёкла в окнах. По всему зданию замигали аварийные огни: системы безопасности среагировали на резкий всплеск энергии.

– Они хотят разделить маленьких звёздочек, – всхлипнула девочка. – Им будет одиноко!

Эмма взяла дочь на руки, чувствуя, как собственная аура автоматически создаёт защитный кокон вокруг ребёнка.

– Никого не разделят, – твёрдо сказала она. – Мы не позволим.

– Но как? – спросил Джеймс. – Мы не можем воевать с половиной мира.

Лила подняла заплаканные глаза на отца.

– А если попросить красиво? Все люди когда-то были детьми. Они просто забыли, как это – не бояться чудес.

Доктор Чен медленно встала с кресла.

– Возможно, есть способ, – сказала она задумчиво. – Но он потребует от Лилы такого, к чему она может быть не готова.

– Что именно?

– Добровольно показать миру свои воспоминания. Не эмоции, как в прошлый раз, а настоящие образы. Показать, как она видит других детей, как чувствует их потребности. Если люди увидят мир глазами ребёнка.

– Это может сработать, – медленно сказала Роуз. – Но риск огромный. Такой уровень ментальной открытости может повредить психику Лилы.

Эмма посмотрела на дочь. Девочка уже не плакала, а внимательно слушала взрослых, словно понимая каждое слово.

– Лила, – тихо спросила Эмма, – ты готова показать людям, как ты видишь мир? Это может быть больно.

Лила серьёзно кивнула.

– Если это поможет звёздочкам не бояться, то я готова. Но – она посмотрела на каждого взрослого по очереди, – вы будете рядом?

– Всегда, – хором ответили Эмма и Джеймс.

– Тогда завтра, – решила Эмма. – Завтра мы покажем миру, что значит видеть глазами ребёнка, который любит всех без исключения.

За окном опускалась ночь, а где-то в разных уголках мира тысяча двести младенцев одновременно переставали плакать, словно чувствуя, что завтра их старшая сестра по свету сделает что-то очень важное для всех детей Земли.

Глава 5. Зеркало надежды.

Утро выдалось безмятежным: Женевское озеро лежало гладью, будто зеркало, в котором отражались первые лучи солнца. В воздухе пахло липой и свежесваренным эспрессо из ближайшего кафе, но за фасадом расслабленной улицы скрывалась напряжённая готовность к событию, способному изменить мир.

В резиденции Глобального института развития человеческого потенциала весь персонал тяжело дышал от волнения. Большой конференц-зал на два этажа со стеклянным куполом превратили в «мозговой треугольник»: три стены были заэкранены голографическими «окнами» для прямой теле- и радиотрансляций, а в центре платформы – массив из кварцевых кристаллов, настроенных на «резонанс искренних впечатлений».

– Проверьте связь с нодами в Сиднее и Саппоро, – скомандовала Роуз.

– Каналы чисты, – ответил инженер-телепат, не отводя взгляда от пульта. Его фиолетовая аура пульсировала в такт раскалённым лампам.

– «Греевый фронт» пытается занижать пиковые частоты, – добавил Кай, комбинируя сенсорные данные.

– Они не пройдут, – твердо заявила Эмма, поглаживая ладонью защитный оберег, сплетённый из маорийских и кельтских символов. – Сегодня мы включаем в эфир чистую энергию ребёнка. Она сильнее любых помех.

В боковом зале подготовили сто переносных «звёздных колыбелей» – мини-инкубаторов, куда поместили самых юных «детей эха». Их ауры светились бледно-золотым свечением, чуть тусклым от волнения. Когда одного из малышей подняли на платформу, он робко потянулся руками к кристаллам – и в ладошках запульсировали искорки.

– По их глазам видно: они тоже ждут, – тихо сказала доктор Чен.

– Пусть ждут, – улыбнулась Роуз. – Скоро они узнают, что значит быть частью большого света.

В пять часов пополудни все гости заняли места. Рубиновая лента символической «стены страха» – баррикада из растущей сферы сомнений и предубеждений – была дематериализована. На её месте зажглось серебристое сияние – символ доверия и открытости.

– Всемирная трансляция начнётся по готовности, – объявил модератор из числа делегатов Галактического Совета. – От «Секунда» к «Секунда+» – будьте готовы.

Эмма подошла к микрофону. Легко прикоснулась к боковине кварцевой колонны, и платформа мигом наполнилась теплом её ауры. В зале повисла полная тишина.

– Сегодня, – голос Эммы звучал тихо, но по залу прокатились глубокие вибрации, – мы не просто покажем вам мир глазами ребёнка. Мы подарим вам отражение надежды.

Она отошла, и центр сцены заняла Лила. Девочка облачилась в простое платьице цвета рассвета. Её золотые волосы играли сиянием, а глаза… глаза казались окнами в иной мир.

Включили кристаллы. Энергетическое поле совместило частоты всех «детей эха». Лила глубоко вдохнула, как будто собираясь произнести своё первое слово миру, и протянула руки к зрителям.

На экранах и в эфирах до каждого докатился голос девочки:

– Я вижу вас такими… Какие вы есть.

В ту же секунду миллионы людей ощутили внутренний отклик: они увидели себя глазами ребёнка, чистыми и неокрашенными страхом. Яркие вспышки сострадания, удивления, необузданной радости бродили по городам и селам. Их ауры заиграли новыми красками – люди плакали, смеялись, обнимали соседей.

– Я вижу, что вас пугает шум во Вселенной… Но вы прекрасны в своей тишине, – Лила говорила медленно, словно читала стихи, и её голос звучал одновременно всем, кто слушал. – Мы – звёзды, которые учатся светить вместе.

Каждая фраза девочки превращалась в мягкую волну, накатывавшую на подсознание: добровольная смена темпа, открытость замещала панические реакции. «Серый фронт» в прямом эфире исчез: оператор отключил камеры, а выступавший ранее провокатор не выдержал этой волны покоя и сам попросил отключить трансляцию.

Когда Лила закончила, наступили пять секунд абсолютной тишины. Затем зал взорвался аплодисментами. По планетарным каналам шло не просто эхо шоу, а волшебный резонанс тысяч сердец.

– У нас есть минут несколько, – сказала Эмма, поднимаясь к дочери. – Расскажем детям эха, что они не одни.

Лила кивнула и закрыла глаза. По залу прокатилась вторая, гораздо нежнее волна: кристаллы передали «детям эха» сообщение – мама здесь, они под защитой. В детской комнате десятки младенцев проснулись и улыбнулись во сне.

– Мы сделали это, – прошептала Эмма, прижимая Лилу к себе.

– Это только начало, – тихо ответила Роуз, глядя на сияющее дитя.

– Но мир уже никогда не станет прежним, – улыбнулся Джеймс.

За стенами института поколения детей эха впервые почувствовали: их дар – не проклятие, а дар надежды. И в этот вечер, когда над Женевой снова забурлило северное сияние, каждое сердце задумалось: как прекрасен мир, если смотреть на него глазами ребёнка, который учит всех нас светить вместе.

Глава 6. Тени прошлого.

Спустя неделю после трансляции мир раскололся на две части – не географически, а эмоционально. В одной половине дети с дарами впервые за месяцы спокойно играли во дворах, их родители больше не прятали необычные способности малышей. В другой – формировались группы "генетических пуристов", требующих "возврата к естественности".

Эмма стояла в библиотеке института, изучая потоки сообщений со всего мира. Хорошие новости перемешивались с тревожными: в Токио открыли первый детский сад для одаренных, но в Техасе закрыли школу, где учился ребенок с телекинезом.

– Мама, – Лила вошла в библиотеку, ведя за руку голографическую проекцию другого ребенка. – Это Макс из Берлина. Он грустит.

Эмма присела на корточки перед дочерью. За три месяца Лила выросла так, словно ей было уже два года, хотя по документам – всего девяносто дней.

– Почему он грустит, малышка?

– Его родители ссорятся. Мама говорит, что дар – это хорошо, а папа боится. Макс не понимает, кого слушать.

Голографический мальчик лет пяти смотрел на Эмму печальными глазами. Его аура мерцала неустойчиво – верный признак внутреннего конфликта.

– Макс, – мягко сказала Эмма, – ты можешь слышать меня?

Мальчик кивнул.

– Твой дар принадлежит тебе. Не маме и не папе – тебе. И только ты можешь решить, как его использовать. Но помни: он дан тебе, чтобы делать мир лучше.

– А если папа испугается еще больше?

– Тогда покажи ему, что твой дар может быть нежным. Как теплое объятие или как песенка перед сном.

Макс улыбнулся и исчез. Эмма поняла, что Лила разорвала связь.

– Он пошел обнимать папу, – пояснила дочка. – Иногда объятия лучше слов.

В этот момент в библиотеку вошел незнакомый мужчина. Высокий, седоволосый, в дорогом костюме. Но главное – его аура была странной. Очень темной, почти черной, но с яркими золотыми вкраплениями.

– Эмма МакДональд? – представился он. – Профессор Виктор Stein, директор Института генетической чистоты в Цюрихе.

Эмма инстинктивно шагнула перед Лилой.

– Что вам нужно?

– Поговорить. С вами и с ней. – Он кивнул на Лилу. – У меня есть информация, которая может изменить ваше понимание происходящего.

– Говорите здесь.

Профессор окинул взглядом библиотеку, полную детей эха, которые занимались с голограммами.

– Это слишком деликатно для публичного обсуждения.

Лила вышла из-за спины матери и внимательно посмотрела на гостя.

– Дядя не злой, – сказала она задумчиво. – Но очень боится. И еще он что-то прячет в своих мыслях.

Профессор Stein заметно побледнел.

– Ребенок читает мысли?

– Эмоции, – поправила Эмма. – И она права. Что вы скрываете?

Мужчина тяжело вздохнул и достал из портфеля планшет.

– Двадцать лет назад я работал над проектом по расшифровке человеческого генома. Мы обнаружили участки ДНК, которые не соответствовали ни одному известному гену. Мы назвали их "спящими последовательностями".

– И?

– Эти последовательности активируются только при воздействии определенных частот энергии. Именно тех частот, которые излучает ваша дочь.

Эмма почувствовала холодок в груди.

– Вы хотите сказать, что Лила каким-то образом активирует гены у других людей?

– Не просто активирует. Она их пробуждает. Возвращает человечеству способности, которые были утрачены тысячи лет назад.

Профессор показал схемы и графики.

– Изучив геном детей эха, мы обнаружили, что все они имеют активированные участки древней ДНК. ДНК, которая должна была бы принадлежать другому виду.

– Какому виду?

– Мы не знаем. Но судя по структуре белков, это существа, которые могли управлять энергией на квантовом уровне. Возможно, это наши далекие предки, которые обладали тем, что мы сейчас называем магией.

Лила подошла к профессору и коснулась его руки. Мужчина вздрогнул, но не отдернулся.

– Дядя Виктор когда-то тоже умел, – сказала девочка. – Но забыл. Хотите, я помогу вспомнить?

– Что что она имеет в виду?

Эмма активировала свое видение аур и внимательно посмотрела на профессора. И увидела то, чего не замечала раньше – золотые вкрапления в его ауре были не случайными. Это были остатки древнего дара, подавленного и забытого, но не исчезнувшего полностью.

– У вас есть способности, – поняла она. – Подавленные, но есть.

– Это невозможно. Я прошел все тесты.

– Тесты не всегда точны, – мягко сказала Лила. – Особенно когда человек сам себя убеждает, что он обычный.

Девочка закрыла глаза и протянула руки к профессору. Воздух вокруг них замерцал.

– Нет! – воскликнул Stein, но было уже поздно.

Золотая волна прошла от Лилы к профессору. Его аура вспыхнула ярким светом, темные участки исчезли, заменившись переливающимися узорами. Stein пошатнулся, схватился за стол.

– Что что со мной происходит?

– Вы вспоминаете, – объяснила Эмма. – Вспоминаете то, кем были всегда.

Профессор посмотрел на свои руки, и из ладоней потекли тонкие струйки света.

– Я я могу видеть энергетические потоки. Молекулярные связи. Это невероятно.

– Теперь вы понимаете? – спросила Лила. – Мы не делаем людей другими. Мы помогаем им стать собой.

Stein медленно опустился на стул.

– Но тогда получается все мои исследования, весь Институт генетической чистоты.

– Основывались на страхе, – закончила Эмма. – На страхе перед тем, что вы сами в себе подавили.

– Что мне теперь делать?

Лила подошла к нему и взяла за руку.

– Помогать другим людям вспоминать. Учить их не бояться света внутри себя.

Через час профессор Stein стал другим человеком. Открыв свой дар – способность видеть и исцелять на клеточном уровне – он понял, что всю жизнь боролся с самим собой.

– Я могу переориентировать свой институт, – сказал он. – Вместо изучения "генетической чистоты" заняться помощью людям в раскрытии скрытых способностей.

– Это будет нелегко, – предупредила Эмма. – Многие из ваших коллег не поймут.

– Тогда я найду новых коллег. Среди тех, кто не боится истины.

Лила хлопнула в ладоши.

– Еще один учитель! Теперь детей эха будет учить не только мама с папой, но и дядя Виктор!

Когда профессор ушел, Эмма задумчиво посмотрела на дочь.

– Лила, ты специально пробудила его дар?

– Не специально, – честно ответила девочка. – Но я видела, что он хороший. Просто очень напуганный. А напуганные люди иногда делают плохие вещи.

– И ты решила убрать его страх?

– Страх исчезает, когда человек понимает, что он не один.

Эмма обняла дочь, понимая, что каждый день приносит новые открытия о масштабах способностей Лилы. И каждый день ставит новые вопросы о том, как направить эту силу на благо всего человечества.

А где-то в Цюрихе профессор Виктор Stein созывал экстренное собрание своих сотрудников, готовясь объявить о радикальной смене курса института. Мир продолжал меняться, и теперь у него был еще один союзник в лице человека, который вспомнил, что значит не бояться света внутри себя.

Глава 7. Точки опоры.

Утро в Женеве началось с безмятежного шелеста листьев сакуры: розовые лепестки падали на стеклянную крышу института, как благословение. В конференц-зале собрались Эмма, Джеймс, Роуз, Кай и профессор Stein – теперь уже не враг, а союзник. Перед ними была голограмма земного шара, утыканная сотнями оранжевых точек: обозначение «детей эха».

– Мы не можем ждать, – начала Роуз. – Каждая точка – потенциальный очаг страха или принятия. Если не создадим надёжных якорей поддержки, многие дети свернут в темноту.

– Предлагаю открыть сеть «Точки света», – сказал Stein. – Центры по будням станут приёмными классами: здесь будут психологи, целители, учителя. А на выходных – группы поддержки родителей.

– И добровольные наставники из числа одарённых взрослых, – добавил Кай. – Мы уже знаем сотню таких людей, готовых взять под опеку двух–трёх малышей.

Эмма кивнула:

– Главное, чтобы «Точки света» заработали одновременно в десяти ключевых городах. Это даст ребёнку ощущение единой сети, а не разрозненных оазисов.

На экране появилась таблица с датами запуска и координатами первой волны центров: Лондон, Сингапур, Буэнос-Айрес, Кейптаун, Сеул, Москва, Ванкувер, Берлин, Дели, Хьюстон.

– Запускаем через две недели, – подвела итог Эмма. – А пока сделаем «пилот» здесь, в Женеве.

В тот же день утром в здание института ворвалась делегация из «Республиканского альянса Фреодонии» – вымышленного государства, ставшего центром антиодарённого лобби. Предводитель – генерал Хартман – крепко сжимал папку со «списком детей эха».

– С госпожой МакДональд хочется поговорить лично, – заявил Хартман, едва дождавшись, пока Эмма выйдет к ним.

Охрана уже не производила впечатления готовности – слишком часто генералы появлялись с «миротворческими» миссиями. Но на этот раз у Эммы не было ни страха, ни сомнения. Лила стояла рядом, её золотистая аура мягко пульсировала.

– Добрый день, – сказала Эмма. – Чем могу помочь?

Генерал Хартман, строгий, как скала, распахнул папку:

– Нас беспокоит безопасность детей эха нового поколения. Мы предлагаем временно перевести их под управление Фреодонии: у нас есть собственные «детские станции» с контролем здоровья и поведения.

– То есть вы хотите изымать детей из семей? – ахнула Роуз.

– Только на период «социальной адаптации», – парировал Хартман. – Ваше глобальное шоу доказало, что дети обладают силой, способной дестабилизировать системы. Нам нужно время на подготовку педагогов и инженеров эмпатических щитов.

– Или на разработку оружия против них, – тихо сказала Эмма. Её взгляд встретился с золотыми глазами Лилы, и девочка невольно вздрогнула.

– Никакого оружия, – рявкнул Хартман. – Честный контроль.

– Никакого контроля, – спокойно ответила Эмма. – «Детям эха» не нужна изоляция. Им нужна сеть поддержки. Именно для этого мы запускаем «Точки света».

– Вы играете в идеализм, – холодно произнёс генерал. – Мы же думаем о городской стабильности.

– Ваши страхи – не наши приоритеты.

Хартман нахмурился, но первая волна сомнения мелькнула в его ауре: он ощущал, как семенит теплый отклик десятков детей, глядящих на него взглядом маленького Макса. В следующую секунду к Хартману приблизилась Лила.

– Дядя, – сказала она мягко. – Испугаться – это нормально. Но если бояться слишком сильно, мы можем забыть, как дышать светом.

Хартман побледнел, словно слова девочки ударили его по внутренностям. Он закрыл папку и шагнул назад.

– Ваш метод интересен, – наконец пробормотал генерал. – Но я вам не верю. Посмотрим, что выйдет из ваших «точек».

Не дожидаясь ответа, он развернулся и ушёл, оставив после себя гул напряжённых обсуждений и шепот охраны: «Что они услышали от ребёнка?».

Когда дверь захлопнулась, Эмма вывела всех в соседний зал, где уже стояли макеты первых центров. Роуз показывала дизайн развивающего пространства для малышей, а Кай – мобильное приложение, через которое родители смогут налаживать связь с наставниками.

– Нам нужно два дня на финальную доводку, – сказала Эмма. – И полтора дня на обучение персонала.

– А что насчёт Хартмана? – осторожно спросил Stein.

– Дай ему пару недель, – улыбнулась Эмма. – Генералы – мстительные существа, но боятся одиночества сильнее всего.

Лила, которая сидела на краю стола с планшетом, вдруг закрыла глаза.

– Мама, я вижу – она помолчала, собрав мысли. – Первые пятнадцать «Точек света» будут гореть, как маяки. Но дальше на карте таких маяков будет слишком мало. Люди ищут тьму там, где светом пахнет.

– И?

– И нам нужны больше маяков. В сотнях городов. Я могу помочь сделать свет шире.

– Хотела бы ты поехать со мной в каждую «точку»? – тихо спросила Эмма.

Лила улыбнулась:

– Хочу. Но не одна. Я хочу, чтобы со мной ехали дети эха.

В зале воцарилась тишина. Именно эту минуту Эмма запомнит навсегда. Мир стоял на пороге перемен, и голос ребёнка звучал сильнее всех делегаций, бюджетов и резолюций.

– Тогда так и сделаем, – сказала она. – «Точки света» станут сетью детских коридоров. И там, где мы будем, тьма не пройдёт.

За окнами Женевы снова заплясало северное сияние. И в сиянии этом мерцали не только золотые нити аур «детей эха», но и блеск решимости новой эры человечества – эры, где наследники света сами выбирают свой путь.

Глава 8. Первый маяк.

Лондон встретил их дождём и недоверчивыми взглядами. Эмма шла по Пикадилли рядом с Лилой, которая с любопытством разглядывала серые здания и мокрый асфальт. За ними следовала небольшая группа: Джеймс, двое охранников и доктор Чен с медицинским сканером. Первая "Точка света" располагалась в старом викторианском особняке в Блумсбери – здании, которое раньше принадлежало британскому отделению института парапсихологии.

– Мама, здесь много грустных красок, – тихо сказала Лила, глядя на прохожих. – Люди боятся дождя внутри себя.

Эмма сжала руку дочери. За четыре месяца Лила выросла до размеров пятилетнего ребёнка, но её способность чувствовать эмоциональное состояние целых городов не переставала удивлять.

– Мы поможем им увидеть солнце, – пообещала Эмма.

Здание "Точки света" выглядело как музей: высокие окна, резные карнизы, но главное – мягкое золотистое свечение, исходящее изнутри. Это был не электрический свет, а аурический – следствие того, что здесь уже неделю работали целители и эмпаты, настраивая пространство на частоты спокойствия.

У входа их встретила Элеанор Уилсон, директор лондонского центра – женщина лет сорока с необычайно яркой фиолетовой аурой.

– Добро пожаловать, – сказала она, протягивая руку Лиле. – Мы так долго готовились к твоему приезду.

Лила осторожно коснулась её ладони, и воздух вокруг них замерцал.

– Тётя Элеанор грустила по детям, которых у неё не было, – сказала девочка с удивительной проницательностью. – Но теперь у неё будет много детей. Я это вижу.

Элеанор покраснела, но улыбнулась.

– Проходите внутрь. У нас уже собралось двенадцать семей.

Большой зал на втором этаже был переоборудован в игровую комнату. По стенам висели рисунки детей эха из других стран, а в центре – круг из мягких подушек, где сидели родители с детьми. Дети были разного возраста – от годовалых малышей до подростков, но всех объединяло одно: их ауры светились тем же золотистым оттенком, что и у Лилы.

Когда Лила вошла в зал, все дети одновременно повернули к ней головы. Самые маленькие потянули ручки, постарше – встали и пошли навстречу.

– Сестричка! – воскликнул мальчик лет семи с кудрявыми волосами. – Ты наконец приехала!

– Привет, Тимми, – ответила Лила, словно знала его всю жизнь. – Как дела у твоего хомячка?

Тимми ахнул:

– Откуда ты знаешь про Барри?

– Я вижу твои воспоминания. Барри выздоровел после того, как ты его погладил и пожелал ему добра. Это был твой первый настоящий дар.

Родители переглянулись. Многие из них выглядели измождёнными – постоянное беспокойство о детях, страх общественного осуждения, непонимание того, как воспитывать ребёнка с необычными способностями.

– Мамы и папы, – обратилась Лила ко взрослым, – можно я покажу вам, как ваши дети видят мир?

Не дожидаясь ответа, Лила протянула руки в стороны. Воздух в зале замерцал, и вдруг все взрослые увидели то, что видели их дети: мир, полный цветных нитей, связывающих каждого

человека с каждым. Они увидели, как эмоции перетекают от одного к другому, как добрые мысли создают вспышки света, а злые – тёмные пятна.

– Вот как мы видим, – объяснила Лила. – Мы не можем причинить вам зло, потому что чувствуем, когда вам больно. Мы только хотим, чтобы все светились ярче.

Одна из матерей – худая женщина с тревожными глазами – заплакала.

– Я так боялась, что Софи станет изгоем, – прошептала она. – Что её будут бояться.

Пятилетняя Софи подошла к матери и обняла её.

– Мамочка, я никогда не буду использовать свой дар, чтобы кого-то напугать. Я буду помогать цветочкам расти и успокаивать плачущих котят.

Встреча продолжалась два часа. Дети играли, демонстрируя свои способности в безопасной обстановке: кто-то заставлял танцевать бумажные самолётики, кто-то исцелял увядшие растения, кто-то предсказывал, какую игрушку выберет соседний ребёнок.

Родители постепенно расслаблялись, задавали вопросы Эмме и доктору Чен, делились опытом друг с другом.

Но внезапно Лила замерла посреди игры.

– Мама, – позвала она тревожно. – К зданию идут плохие люди. Они хотят забрать детей.

Джеймс коснулся стены и активировал психометрию.

– Я вижу следы планирования, – сказал он. – Группа из восьми человек. Они изучали здание заранее, знают планировку.

Элеанор побледнела и достала телефон.

– Службы безопасности! Код красный!

– Нет, – остановила её Лила. – Не нужно полиции. Мы сами справимся.

За окнами показались фигуры в тёмной одежде. Они несли какое-то оборудование – вероятно, устройства для подавления паранормальных способностей.

– Все дети ко мне, – скомандовала Лила.

Двенадцать детей эха встали в круг вокруг неё. Их ауры начали синхронизироваться, создавая единое поле света.

– Что вы собираетесь делать? – спросила Эмма.

– Показать им правду, – ответила Лила. – Как мы показали родителям.

Нападавшие ворвались в здание через чёрный ход. Их лидер – мужчина в военной форме – кричал что-то о "принудительной эвакуации опасных элементов". Но когда они поднялись на второй этаж и увидели круг из светящихся детей, то остановились как вкопанные.

– Дяди, – сказала Лила мягко, – зачем вы принесли машины, которые делают больно? Мы никого не обижаем.

Один из нападавших – молодой парень в камуфляже – опустил устройство-глушитель.

– Они они же просто дети, – прошептал он.

– Опасные дети! – прорычал лидер. – Активируйте подавители!

Но было уже поздно. Объединённая аура детей эха коснулась сознания каждого нападавшего, показав им то, что они на самом деле чувствовали: страх перед неизвестным, одиночество, потребность в принятии.

Один за другим нападавшие опускали оружие. Кто-то плакал, кто-то стоял в оцепенении. Лидер группы пытался сопротивляться, но даже его железная дисциплина не выдержала волны детского сострадания.

– Что вы с нами сделали? – прохрипел он.

– Ничего плохого, – ответил Тимми. – Мы просто показали, какие вы есть внутри. Вы не злые. Просто очень напуганные.

Софи подошла к молодому парню, который первым опустил оружие.

– У вас есть маленькая сестричка, – сказала она. – Вы боитесь, что с ней что-то случится, если в мире будет слишком много людей вроде нас. Но мы же защищаем маленьких детей, а не обижаем их.

Парень опустился на колени.

– Я я не знал. Нам сказали, что вы опасны.

– Кто сказал? – спросила Эмма.

– Центральное командование. Генерал Хартман лично проводил инструктаж.

Лила нахмурилась.

– Дядя Хартман очень боится потерять контроль. Но контроль – это иллюзия. Настоящая сила – в доверии.

К вечеру ситуация полностью изменилась. Бывшие нападавшие сидели в том же кругу с родителями детей эха, слушали рассказы о том, как живут семьи с одарёнными детьми, задавали вопросы, делились своими страхами.

Лидер группы – полковник Маркс – оказался отцом двоих детей.

– Мне стыдно, – признался он. – Я должен был подумать своей головой, а не слепо выполнять приказы.

– Никогда не поздно начать думать сердцем, – сказала Лила.

– А что теперь? Я не могу вернуться к Хартману и доложить о провале миссии.

– Не нужно, – улыбнулась Эмма. – Доложите об успехе. Скажите, что убедились: дети эха не представляют угрозы, а наоборот – могут стать защитниками общества.

– Он не поверит.

– Тогда приведите его сюда, – предложила Лила. – Лично. Пусть сам увидит, кто мы такие.

Полковник Маркс задумчиво кивнул.

– Знаете что? Пожалуй, я так и сделаю.

Поздним вечером, когда все разошлись, Эмма сидела с Лилой в тихом кафе неподалёку от "Точки света". За окном моросил дождь, но атмосфера была тёплой и умиротворённой.

– Ты сегодня была потрясающей, – сказала Эмма дочери. – Превратила врагов в друзей, не применив силы.

– А разве можно по-другому? – удивилась Лила. – Силой можно заставить кого-то замолчать, но нельзя заставить понять.

– Не все взрослые это понимают.

– Тогда нужно показывать им снова и снова. Пока они не вспомнят, что когда-то тоже были детьми и мечтали о мире без страха.

Эмма обняла дочь, понимая, что каждый день рядом с Лилой учит её не только быть лучшим родителем, но и лучшим человеком.

– Завтра летим в Сингапур? – спросила Лила.

– Завтра летим в Сингапур. Там нас ждут новые дети и новые родители.

– И новые напуганные дяди?

– Возможно. Но теперь мы знаем, как с ними разговаривать.

Лила кивнула и прижалась к матери. За окном дождь постепенно стихал, а над Лондоном проступали первые звёзды – предвестники ясного завтра.

Глава 9. Тропический узел.

Сингапур встречал путешественников влажным тёплым воздухом и россыпью огней ультрасовременных небоскрёбов. Из иллюминатора конвертоплана «Арура-2» было видно, как «Сады у залива» озаряются пастельными цветами – подготовка к запуску второй «Точки света», официально названной Маяком Юго-Восточной Азии.

Эмма стояла у выходного люка, сжимая переносной генератор аурического поля. На груди – эмблема сети: стилизованная ладонь ребёнка, вписанная в сияющий круг. Позади неё

Лила подпрыгивала от нетерпения, а золотые спирали в её глазах мерцали, отражая неон посадочных огней.

– Пахнет мангровым мёдом и… волнением, – сообщила девочка.

– Ты чувствуешь эмоции целого города? – улыбнулся Кай, проверяя сканеры.

– Только тех, кто очень громко думает, – серьёзно ответила Лила. – Сегодня много громких мыслей.

Маяк разместили внутри одной из «Супердеревьев» – стальных башен в форме баобабов, оплетённых живыми лианами. Здесь, среди лазурных прудов и сине-фиолетовых орхидей, инженеры построили зал трансляций, где стены – это экраны, а потолок – прозрачный купол, через который видно звёзды экватора.

Сингапурские власти поддерживали инициативу, но осторожно: слишком велик был поток беженцев-одарённых из соседних стран. Министр инноваций Ли Вэн-Чжун лично встречал делегацию.

– Нам важно, чтобы ваш Маяк стал примером, – сказал он Эмме. – Но любые непредвиденные эффекты лягут на репутацию правительства. Мы находимся между двух огней: инвесторы требуют стабильности, общество требует чудес.

– Стабильность и чудеса не взаимоисключающие, – парировала Эмма. – Мы просто покажем, что они могут сосуществовать.

Пока шла финальная настройка, Джеймс обходил периметр супердерева, считывая аурические отпечатки. Он сразу заметил группу техников в алых жилетах – гостей от частной корпорации «GenOne Bio-Safety». Аура старшего – багрово-серый оттенок: смесь тревоги и решимости. Джеймс передал данные Каю.

– GenOne? – нахмурился Кай. – Те самые, кто патентовал шлемы-глушители. Попросить их уйти?

– Не время раздувать конфликт, – решил Джеймс. – Просто держим их в поле зрения.

Двенадцать местных детей-эхо сидели на мягких подиумах, окружённые родителями и наставниками. Лила вступила в круг, взяла за руки близняшек Амиру и Хаджира, и их ауры вспыхнули, словно лампы накаливания. Вскоре поле синхронизировалось: из-под свода поднялась золотая спираль, медленно вращаясь под куполом.

Репетиция шла идеально, пока приборы неожиданно не начали выдавать помехи. Голограммы дрогнули, спираль пошла пятнами.

– Внешнее ЭМ-подавление, – крикнул Кай. – Кто-то глушит частоты!

В тот же миг потемнели сады за стеклом: лампы биолюминесцентных лиан погасли, а в здании прозвучала тревожная сирена. Эмма ощутила, как у детей поднимается волна страха.

Техники в алых жилетах активировали портативные глушители размером с дипломат. Энергетические купола над приборами «Точки света» начали скукоживаться. Родители бросились к детям, но Лила подняла ладонь.

– Не бойтесь. Мы зажжём свет изнутри. Без техники.

Она закрыла глаза. Вокруг золотистого ядра её ауры вспыхнули тонкие нити – они протянулись к каждому ребёнку, а потом к взрослым, включая инженеров GenOne. Нити игнорировали глушители: это была не радиоволна, а чистая эмпатия.

Энергия пошла обратным импульсом: лампы за стенами вспыхнули ярче прежнего, а подавители перегрелись и выключились.

Один из техников упал на колени, дрожа.

– Я… я слышу голос сестры, – прошептал он. – Она умерла в прошлом году… Она говорит, что я поступаю неправильно.

Генератор, которым он управлял, потух.

Но в диспетчерской супердерева оставалась ещё одна угроза: неприметная женщина в гражданской одежде подключилась к центральному серверу и запустила скрипт «GrayBurst».

Алгоритм блокировал муниципальный энергоконтур, чтобы вызвать хаос и обвинить «Точку света».

Кай первым почувствовал перекос в энергосистеме: на цифровой панораме пошли чёрные полосы.

– Кто-то ломает инфраструктуру города, – сообщил он Эмме. – Если сеть упадёт – лифты, метро, больницы….

– Найди источник. Я удержу детей, – ответила Эмма, уже чувствуя, как здания вокруг дрожат от перепадов напряжения.

Кай погрузился в кибер-интерфейс. Его дар телепатии с машинами – редкая разновидность – позволял «чувствовать» намерение кода. Он проследил маршрут пакетов до подземного хаба под зданием суда. Там скрипт «GrayBurst» шёл через квантовый модуль фирмы FernTech, лоббируемой антипаранормальными группами.

– Это централизованная атака, – выдохнул Кай. – Код подписан Фреодонией. Рука Хартмана.

– Можешь отключить?

– Смогу, если получу подкрепление.

Лила уже стояла рядом.

– Дядя Кай, дай мне руку.

Она соединила ладонь со светящимся интерфейсом. Тонкие руны на стекле загорелись. Лила «увидела» цифровую сеть так же, как эмоциональную: линии, узлы, вспышки намерений. «GrayBurst» стал тёмной грязью, растекающейся по трубам света.

– Фильтруем страх, – шепнула она. – Так же, как в Лондоне.

Через несколько секунд скрипт самоуничтожился. Сеть стабилизировалась, энергосистемы перешли на резерв, а на городском табло загорелось сообщение: «Сбой устранён, поддержите друг друга».

К полуночи Супердерево сияло столбом золотого света, отражавшимся в заливе. Министр Ли вышел к прессе, торжественно заявив о запуске сингапурской «Точки света». Позади него дети эха пели на малайском, тамильском, мандарине и английском одну и ту же колыбельную, которую им подарила Лила.

– Наш Маяк – не крепость, – сказал министр. – Это сад, где растут возможности.

Ни один журналист не задал вопроса о «срыве» – слишком явной была трансформация: даже скептики ощущали внутренний покой.

Поздним вечером Эмма записывала отчёт Совету:

«…Сингапурский инцидент показал, что атаки переходят в кибер-плоскость. Лила нейтрализовала угрозу без вреда для нападавших. Два техника GenOne подписали меморандум о сотрудничестве. Мы договорились о совместных семинарах по этике даров».

В это же время генерал Хартман получил доклад: «Операция GrayBurst провалена. Полевой командир Маркс отказался подавлять детей, заявив о моральном конфликте». Хартман сжал кулаки. На его столе мигала красная точка – вызов с неизвестного номера. Он нажал:

– Говорите.

Послышался холодный механический голос:

– Ваши методы слишком мягки, генерал. В следующий раз мы задействуем ресурсы Империи. Параллельный канал откроется при первой полной луне. Будьте готовы.

Хартман побледнел: о «параллельных каналах» ходили только слухи – легенды о тёмных союзниках за пределами известных миров.

На крыше супердерева Лила сидела между Эммой и Джеймсом, свесив ноги над сияющими садами.

– Сегодня мы зажгли второй маяк, – сказала Эмма. – И защитили город без единой жертвы.

– Я чувствую, как звёздочки светят ярче, – улыбнулась Лила. – Но вдалеке есть пустота. Она очень холодная.

– Мы дойдём и туда, – пообещал Джеймс, обнимая дочь. – Главное – идти вместе.

Из залива донеслась песня ночных рыбаков. В тёплом влажном воздухе мерцали огни дронов-колибри, патрулирующих небо. А над всем этим золотой столб света «Точки» бил сквозь облака – первый настоящий маяк Юго-Востока.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.